

Памятный митинг

27 января – важная дата для каждого петербуржца. В этом году отмечается 80 лет с полного освобождения Ленинграда от фашистской Блокады, события, которое осталось в памяти потомков как период невообразимых страданий и героизма. В течение 900 дней жители блокадного города вынуждены были переносить постоянные бомбардировки, отсутствие еды, тепла и электричества. Люди обладали стойкостью, отвагой и безграничной верой в победу, что помогло 27 января 1944 года окончательно разбить вражеское кольцо.

26 января 2024 года на территории Санкт-Петербургского Политехнического университета у Памятника погибшим политехникам прошла памятная акция «Политех. Блокада. Ленинград.» Традиционное мероприятие посвящено памяти тех, кто жил и боролся в окруженном городе, кто держал оборону и сделал всё возможное, чтобы снять осаду и отбросить врага назад.

О работе по сохранению памяти рассказал заместитель директора Музея истории СПбПУ Артем Соловьев: «На основе воспоминаний ветеранов, архивов вуза и музея была создана электронная Книга Памяти. В этом году, к 125-летию университета, выйдет в свет первый том печатной книги. В него вошли судьбы 175 политехников, ушедших со студенческой скамьи на оборону нашей Родины и родного Ленинграда».

Участники митинга вспоминали тех, кто смело сражался на фронте и проявлял героизм в осажденном городе. Три сотни студентов и преподавателей Политехнического института воевали в составе 3-й Фрунзенской дивизии Ленинградской армии народного ополчения. Политехники составляли одну из рот Выборгского полка. В августе 41-го года ополченцы не позволили создать второе кольцо блокады на Олонецком направлении в Карелии. В университете продолжалась научная деятельность, направленная на решение военных задач времени.

Одной из выпускниц Политехнического института, прошедшей Блокаду Ленинграда, является Зинаида Захаровна Шнитникова (1899 - 1983), которая родилась в семье земского врача и общественного деятеля, члена I Государственной думы З. Г. Френкеля (1869 - 1970), выдающегося гигиениста, геронтолога, демографа, академика АМН СССР.

Зинаида Захаровна окончила экономический факультет Политехнического института в 1924 году и затем работала экономистом в различных организациях, где проводила экономико-статистические исследования. В блокадный период в Научно-методическом бюро санитарной статистики она собирала и анализировала информацию о демографических показателях, включая рождаемость, смертность, численность населения, количество браков и др. Одним из основных источников данных был анализ выданных продовольственных карточек. Ее ежемесячные аналитические отчеты помогали медицинским работникам не допустить распространения эпидемий среди умирающих от холода и голода.

На протяжении всей Блокады Зинаида Захаровна вела дневник, но записи в нем прервались 17 июля 1942 года из-за неожиданного приезда ее мужа Арсения Владимировича, известного ученого, который был в командировке с фронта, и рождения дочери Наташи. Заботы о ребенке в тяжелейших условиях блокады требовали от Зинаиды Захаровны всей ее силы.

Дневниковые записи З. З. Шнитниковой - редкий источник по истории блокады, потому что их автор была не только очевидцем всех тягот, которые переживали ленинградцы, но и оценивала все происходящее как ученый.

Записи из ее личного дневника спустя полтора месяца блокады говорят о том, что жизнь не прекращалась, люди искали в себе силы сохранять привычный ритм:

«Массовые разрушения, жертвы. Воздушные налеты, бомбежки. Часто нет тока, нет света, стоят трамваи. Все маршруты трамваев из-за повреждений линий бомбежками совершенно перепутаны. Во многих местах неделями лежат оцепленные невзорвавшиеся бомбы. И все же: заводы работают, магазины торгуют (без товаров), вузы и школы (8 - 10 классы) действуют, в учреждениях также идет работа. Люди ослабели, распустились, разозлены, но пока всюду порядок и жизнь идет своим чередом.» - 23 ноября 1941.

Благодаря детальным записям Зинаиды Захаровны можно понять эмоциональное состояние людей спустя месяцы Блокады. В один из дней был подробно описан весь ужас, который можно было увидеть на улицах по дороге в магазин:

«Навстречу идут мертвенно бледные люди, шатаются, часто подолгу стоят. Характерен взгляд - мученический, пустой, очень светлые глаза. Рот - у мужчин особенно - открыт ("Как у рыбы, - сказал сегодня мой случайный спутник - рабочий с завода ГОМЗ, - падают все; сколько умерло и умирает у нас у станков, в столовой").

У остановки двадцатого номера [трамвая] стоит открытый небольшой гроб, в нем два трупики детей, а крышка уже унесена на дрова...

При переходе через 2-й Муринский проспект падает старик. Долго лежит, потом его подымают две женщины и отходят. Он стоит, шатается, не может идти. Подхожу, беру под руку: "Дедушка, милый, пойдём, ещё немножко". Сердце сжато отчаянием, все дрожит от боли за него, от невозможности помочь... Тащу, уговариваю. Ходил в Райсовет за пенсией, возвращается домой, к "Поклонке". Три сына в армии. Дома только старуха: "Хуже меня... Боже, что со мной, ведь так хорошо шел утром... Нет, не могу, не дойти мне, нет, не дойти сегодня... Да, что же это со мной, что?!" И снова, снова падает. Начинаю умолять проходящих помочь мне. Даже не останавливаются. Наконец, после долгих уговоров одна женщина берет дедушку с другой стороны, уговариваем его, просим, тащим и сажаем в снег у пожарного депо. Лежит в глубоком обмороке. Два пожарника подходят, жалеют. "Но что можно сделать - сотни падают, милиция не берет, скорая помощь не выезжает. Конечно, если бы его домой, в тепло, может, старуха и отходила бы еще". Вдруг к Удельной едут сани с возчиком и рядом с ним стоит краснолицый типа подрядчика. Бежим с женщиной наперерез, я обещаю заплатить спичками, умоляем подвезти старика. Нет, не останавливаются. Это - даже теперь - вызывает возмущение. А старик остается лежать один, запрокинув голову, неестественно поджав ноги, в снегу... мертвый.

Ближе к рынку, в этой медленно двигающейся толпе (ведь нет никакого транспорта) вдруг начинает шататься и падать молодой мужчина в военной форме с рюкзаком за плечами. Шатается и неожиданно начинает истерически рыдать, рыдать с безумным отчаянием. Милиционер орет: "Не разводи панику!". - "Да какая паника, я умираю", - и опять такое потрясающее мужское рыдание. Крик подлинного, инстинктивного отчаяния перед смертью... Падает, лежит минуты три, с трудом встает и медленно, медленно идет дальше.» - 5 января 1942.